

После всего сказанного, я думаю, что не ошибусь, если выражу уверенность в том, что знатный перс Артаикт, женатый на дочери Дария, зять Ксеркса, архонт макронов и моссинойков и наместник Сеста, не был и не мог быть хорезмийцем.

В заключение мне хотелось бы постараться объяснить, как мог в работах В. В. Бартольда появиться «хорезмиец» Артаикт. Его появление объясняется, по-видимому, тем, что В. В. Бартольд пользовался изданием Дича 1879 г., где вместо Ἀρταῦκτης ὁ Χεράσμιος (родит. пад. от Χέρασμις) стояло Ἀρταῦκτης ὁ Χοράσμιος, где форма Χοράσμιος случайно совпала с этническим названием хорезмийцев и отчество Артаикта было принято за его национальную принадлежность. В. В. Бартольд не обратил при этом внимания на другие места текста Геродота, где прямо упоминается «перс Артаикт, наместник Сеста». И можно только пожалеть, что именно это издание Дича 1879 г. попало в руки В. В. Бартольда и послужило плохую службу С. П. Толстову и другим исследователям.

Только комплексное историческое и филологическое изучение сведений античных авторов, касающихся древней истории, позволит избежать ошибок, основанных на недостаточно критическом отношении к письменным источникам⁴⁹.

Е. А. Мончадская

ARTAYCTES THE «CHORASMIAN»

(From the history of the Greco-Persian Wars, 480—478 B. C.)

by Ye. A. Monchadskaya

This article had its origin in a misunderstanding. In the works of V. V. Bartthld, S. P. Tolstov and others (1914—1963) on the history of Central Asia it was asserted, on the authority of Herodotus (VII, 78), that at the time of the Greco-Persian wars Xerxes appointed «the Chorasmian Artayctes» governor of the town of Sestos in the Hellespont. From this it was made to follow that in the Achaemenid domains «Chorasmian military chiefs and civilian functionaries appear in the service of the Persians» (Tolstov, 1948). The truth is that Herodotus speaks not of the «Chorasmian Artayctes» but of «Artayctes son of Cherasmis», who was a Persian noble married to the daughter of Darius, the sister of Xerxes, Sandake.

From information provided by Herodotus, Plutarch and other ancient sources the author works out a biography of the Persian Artayctes, commander of the Macronian and Mossynoician detachment in Xerxes's army, and governor of Sestos. Artayctes held these posts as a Persian noble and a kinsman of the king by marriage.

In a table appended to the article the commanding officers of Xerxes's army are listed (from Herodotus and Plutarch) with indications of their kinship ties with Darius and Xerxes. With the exception of the cavalry chiefs, all of them are Persian nobles, and out of a total of 44 commanders half are close relatives of the king.

The manuscript tradition of Herodotus is considered at the end of the article and an attempt is made to explain the appearance in Barthold's works of «Artayctes the Chorasmian».

⁴⁹ Приношу глубокую благодарность В. Г. Луконину и В. А. Лившицу за полученную консультацию, а также пользуюсь случаем поблагодарить К. В. Тревер, М. Е. Сергеев, Б. А. Латынина и Б. И. Маршака за ценные советы и неизменный интерес, проявленный к данной работе.

МАНУМИССИИ РАБОВ-РЕМЕСЛЕННИКОВ

в I в. до н. э.

Вопрос о манумиссиях конца Республики, их мотивах и размерах неоднократно затрагивался и в нашей и зарубежной историографии. При этом большинство исследователей склонно считать, что в последнем веке Республики, так же как и в первых двух веках Империи, основную часть отпускаемых на волю рабов составляли ремесленники¹. А отсюда в зарубежной историографии нередко делается вывод о преобладании отпущенников в ремесле конца Республики и начала Империи². Правда, все названные выше авторы не занимались специально изучением вопроса о том, какое место занимали ремесленники в манумиссиях конца Республики. Большинство исследователей либо затрагивало этот вопрос в связи с другими проблемами экономической и политической истории позднереспубликанского Рима, либо решало его на основе источников (в первую очередь эпиграфических) последнего века Республики и первых двух веков Империи. Такая методика исследования возникла, очевидно, потому, что источники по рассматриваемой теме для поздней Республики чрезвычайно скудны: здесь нет, как для эпохи Империи, достаточно обширного материала эпиграфики и юридических памятников. Сообщения отдельных авторов фрагментарны и противоречивы. И все же как бы ни были малочисленны эти материалы, пользуясь ими, можно получить картину социально-экономической жизни поздней Республики, по-видимому, гораздо более объективную, чем та, которую мы получим, если объединим (как это делают некоторые исследователи) данные позднереспубликанских и раннеимперских источников. Ведь уже одно то, что эпиграфических памятников ранней Империи в несколько раз больше, чем оставило нам время поздней Республики, не позволяет объединять надписи этих эпох.

В нашей литературе вопрос о манумиссиях рассмотрен в трудах М. Е. Сергеенко и Е. М. Штаерман³. Правда, работа М. Е. Сергеенко посвящена ранней Империи, но, касаясь мероприятий Августа, направленных на ограничение манумиссий, автор вместе с тем говорит о наиболее распространенных их мотивах на рубеже Республики и Империи⁴. Положение и роль отпущенников в период Республики впервые были подробно исследованы у нас в монографии Е. М. Штаерман о рабстве в Республике. Отмечая массовый характер манумиссий, автор подчеркивает, что это явление не может рассматриваться как показатель кризиса рабовладения⁵.

Однако вопрос об отпуске на волю рабов-ремесленников не исследовался специально в этих работах, поэтому некоторые аспекты его, в частности вопросы о доле ремесленников в общей массе отпущенников, об особенностях массовых манумиссий I в. до н. э. и другие, остаются невыясненными.

Некоторые ученые пытаются определить в точных цифрах число манумиссий в рассматриваемый период. При этом основываются на данных, связанных с доходами

¹ A. M. Duff, *Freedmen in the Early Roman Empire*, Oxf., 1926, стр. 110—124; H. Gummergus, *Industrie und Handel*, RE, IX, стр. 1501; H. L. Lane, *Industry and Commerce of the City of Rome (50 B. C.—200 A. D.)*, Baltimore, 1938, стр. 62—135; W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 73.

² M. E. Park, *The Plebs in Cicero's Day*, Cambr., 1918, стр. 89; W. L. Westermann, *Industrial Slavery in Roman Italy*, «The Journal of Economic History», 1942, № 2, стр. 161 сл.; F. B. Marsch, *A History of the Roman World from 146 to 30 B. C., L.*, 1953, стр. 318; R. H. Barrow, *Slavery in the Roman Empire*, L., 1929, стр. 175—179; F. M. Heichelheim, *A History of the Roman People*, Prentice-Hall, 1962, стр. 273.

³ М. Е. Сергеенко, *Жизнь древнего Рима*, М.—Л., 1964, стр. 276—293; Е. М. Штаерман, *Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике*, М., 1964, стр. 137—159.

⁴ Сергеенко, *ук. соч.*, стр. 281—284.

⁵ Штаерман, *ук. соч.*, стр. 141 сл.

государства от пятипроцентного налога на отпущенников. Исходя из сообщений Ливия, Плиния и Орозия об общей сумме доходов, какую давал государству этот налог в определенные периоды, и полагая (на основе сообщения Горация — Sat. II, 7, 43), что средняя цена неквалифицированного раба составляла 500 драхм, Дафф⁶, Тенни Франк⁷ и другие ученые пришли, как известно, к следующим выводам: с 359 по 209 г. до н. э. ежегодно отпускалось на волю по 1200 рабов, а с 82 по 49 г. до н. э. по 16 тысяч. Но такие выкладки, как справедливо отмечалось в литературе⁸, небезупречны.

Во-первых, данные о доходах от налогов, сообщаемые Ливием, Плинием и Орозием, недостаточно надежны и достоверны. Во-вторых, средняя цена раба в Риме для этого периода в сущности неизвестна, и ссылка на Горация в данном случае не вполне правомерна, поскольку Гораций сообщает явно о дельфийских ценах, к тому же на неквалифицированных рабов, в то время как квалифицированные ремесленники могли стоить дороже⁹.

Наконец, значительная часть наиболее популярных манумиссий *manumissio minus iusta* совершалась, очевидно, без уплаты налогов и, следовательно, вообще не могла быть учтена в приведенных выше расчетах.

Таким образом, 16 тысяч отпущенников в год равным образом можно считать и завышенной и заниженной цифрой. Несомненно одно — манумиссии в интересующее нас время приняли чрезвычайно широкий характер.

Чтобы выяснить, какую долю в этой массе отпущенников могли составлять ремесленники, занятые непосредственно в производстве, обратимся прежде всего к данным, характеризующим городскую фамилию крупных владельцев. Крупная городская фамилия полнее всего может быть представлена по колумбариям Статилиев и Ливии¹⁰. Здесь среди десятков имен ремесленников и слуг вольноотпущенники встречаются не так уж часто.

Подобный состав ремесленников, по-видимому, был характерен не только для хозяйств Статилиев и Ливии, но вообще для крупных городских фамилий. Об этом свидетельствуют и нарративные источники. Согласно Цицерону (*de imp. Cn. Pompei*, 6), в состав *familia maxima* входили отряды рабов на полях, в гаванях, сторожевых пунктах. И у таких богатей, как Красс (*Plut., Crass.* 2), Хрисогон (*Cic., p. Rosc.* 45) и другие, уже помимо прислуги, годной на все руки, было немало рабов-ремесленников самых различных специальностей. В таких фамилиях ремесленников держали не только для обслуживания собственного хозяйства, но и для продажи и отдачи в наем¹¹. Естественно, что владельцы таких фамилий нуждались в труде свободных и отпущенных ремесленников лишь в исключительных случаях. Что же касается сельскохозяйственных имений средних размеров, то, согласно Варрону (*de re rust.* I, 16, 4), хозяева их «предпочитают нанимать по соседству из года в год врачей, валяльщиков, мастеровых, а не иметь в усадьбе собственных, потому что иногда смерть одного такого искусника уносит доход целого имения. Богатые владельцы обширных имений обычно возлагают эти занятия на домашнюю челядь. Если города или деревни далеко отстоят от имения, то они приобретают собственных плотников и кузнецов, чтобы держать их в усадьбе так же, как и прочих необходимых мастеров» (пер. М. Е. Сергеев).

⁶ Duff, ук. соч., стр. 29.

⁷ T. Frank, *An Economic Survey of Ancient Rome*, I, Baltimore, 1933, стр. 102.

⁸ F. G. Maier, *Römische Bevölkerungsgeschichte und Inschriftenstatistik*, «Historia», II (1954), № 3, стр. 340.

⁹ A. H. M. Jones, *Slavery in the Ancient World*, «Slavery in Classical Antiquity», ed. by M. I. Finley, Cambr., 1960, стр. 10.

¹⁰ CIL, VI, p. 2, 6213—6640, 3926—4326.

¹¹ Plut., *Crass.* 2; *Cato Maj.* 21; *Varron*, *De re rust.* I, 2, 22; *Cic.*, ad Att. IV, 4a, 2.

Таким образом, имения средних размеров наиболее характерны для Италии, как правило, не имели собственных ремесленников. И хозяева таких имений предпочитали нанимать ремесленников, когда это было необходимо, в городе или близлежащем крупном имении. Последнее обычно располагало собственным штатом рабов-ремесленников¹². Какую же долю среди ремесленников, нанимаемых рабовладельцами или работающих в мастерских, могли занимать отпущенники? К сожалению, имеющиеся источники позволяют проследить (да и то очень неполно) социальный состав людей, работавших в ремесленных мастерских различных размеров, только для гончарного дела, в частности, на основании собранных Парком, Оксе и другими исследователями данных о гончарных мастерских Арреция второй половины I в. до н. э.¹³. Здесь обнаруживается следующее соотношение вольноотпущенников и рабов (при этом в число вольноотпущенников включаются и так называемые «возможные вольноотпущенники», чье социальное положение определено только по характеру cognomen).

В крупных мастерских с числом работников более 40 (таких обнаружено только две и обе относятся ко времени после 20 года до н. э., в сущности к периоду принципата) соотношение отпущенников и рабов почти 1 : 1. Правда, статус отпущенников лишь у двоих обозначен определенно, остальные могли быть и отпущенниками и рабами. Если не принимать во внимание эту возможную неточность, можно предположить, что количество отпущенников в крупных мастерских в самом конце I в. до н. э. было достаточно велико. Возможно, это объясняется тем, что в период принципата крупные владельцы вообще массами отпускали на волю своих рабов по разным причинам (ниже мы остановимся на них более подробно). Во всяком случае, во времена ранней Империи это было, по-видимому, довольно типичное явление. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования Даффа относительно социального состава изготовителей светильников и водопроводных труб. Все эти предметы в ранней Империи производились, главным образом, в крупных мастерских и, судя по именам, ведущее место в них занимали отпущенники¹⁴. Впрочем, и здесь надо учитывать, что отпущенники определяются Даффом очень ненадежным методом — по характеру cognomen.

Но для интересующего нас времени такие мастерские были явно не характерны. Они начинают появляться лишь в самом конце I в. до н. э. и в очень небольшом количестве. Наиболее распространенным типом в этот период были мастерские средних размеров с числом работников от 10 до 40, и здесь вольноотпущенники представлены в очень незначительном количестве.

Если учитывать лишь точно обозначенных отпущенников, то в мастерских средних размеров от 40 до 20 г. до н. э. один отпущенник приходился на 35 рабов, в мастерских 20-х гг. один на 27, после 20 г. 1 на 21. Если же учитывать и «возможных отпущенников», то соотношение для первого из указанных отрезков времени останется неизменным, во втором будет 1 : 3, в третьем — 1 : 5, т. е. опять-таки можно предположить (используя ненадежные данные о возможных отпущенниках), что начиная с 20-х годов I в. до н. э. и в мастерских средних размеров число отпущенников заметно увеличивается, но даже и в этом случае их значительно меньше, чем в крупных.

Большинство современных исследователей все же склонно считать, что и в крупных и в средних гончарных мастерских Арреция процент отпущенников был невелик¹⁵. Собственники гончарных мастерских в Арреции и других центрах предпочитали, очевидно, отпускать на волю преимущественно тех рабов, которых можно было поставить

¹² М. Е. Сергеевко, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958, стр. 167—169.

¹³ Park, ук. соч., стр. 82—89; A. O x é, Arretinische ReliefgefäÙe vom Rhein, Frankfurt, 1933, стр. 28; M. I h m, Die arretinischen Töpfereien, «Bonner Jahrbücher», 102, стр. 112; H. D r a g e n d o r f, Terra sigillata, «Bonner Jahrbücher», 95, стр. 18.

¹⁴ D u f f, ук. соч., стр. 109—113.

¹⁵ H. C o m f o r t, Terra sigillata, RE, Supplbd. IV, 1940, стб. 1314; F r a n k, An Economic Survey of Ancient Rome, I, стр. 377; Ш т а е р м а н, ук. соч., стр. 104.

во главе мастерских-филиалов. Так, некто Гней Атей имел множество филиалов своих мастерских на Рейне и в Галлии; руководили этими мастерскими его вольноотпущенники: Chrestus, Euhodus, Hilarus, Mahes, Xanthus¹⁶.

По-видимому, сходное положение было и в других отраслях ремесленного производства, особенно в тех, которые Цицерон относил к «низменным профессиям». Правда, источники здесь еще более скудны, чем для гончарного ремесла. И все же упоминание 13 рабынь-ткачих¹⁷ в помпейских граффити, описание идеальной пекарни с четырьмя мельницами у Помпония¹⁸ и многочисленные находки таких пекарен в Помпеях (как правило, основанных на рабском труде и во главе с отпущенниками)¹⁹ позволяют предположить, что и в этих отраслях нередко использовались отряды рабов в среднем из 10 человек. Что же касается отпущенников, то в таких средних мастерских (по-видимому, наиболее типичных для того времени) они выступали, главным образом, в качестве управляющих мастерскими-филиалами, [надсмотрщиков в декуриях рабов.

Нам остается выяснить долю участия отпущенников в мелком ремесле. Обратимся вновь к данным арретинских мастерских, опубликованным Парком²⁰.

Здесь в первом периоде в среднем на 12 работников приходится один отпущенник, во втором и в третьем периоде один на девять (или на пять, если учитывать «возможных отпущенников»).

Данные Парка показывают, что в каждой из таких мастерских, где работало от одного до девяти работников, отпущенники обычно либо вовсе не встречаются, либо иногда встречаются один-два человека. Исключение составляет мастерская Мезиена (40—20 гг.), где из пяти работников четыре названы вольноотпущенниками²¹. Но нельзя не согласиться с предположением Парка, что вольноотпущенники Мезиена получили освобождение после смерти своего господина, поскольку его имя встречается только три раза, а вольноотпущенников 21 раз²². О том, что в I в. до н. э. (особенно в первой половине его) отпущенники не были основной рабочей силой в мелких мастерских, свидетельствуют и другие факты. Согласно данным Оксе и Парка, в мелких мастерских, предшествовавших арретинским, с количеством работников от одного до семи труд отпущенников, как правило, почти не использовался; там в среднем на 18 работников приходился один отпущенник²³.

Сходная картина наблюдается в производстве амфор в Калабрии. Их клейма, собранные Моммзенем в CIL, I, 2 и датируемые последней третью I в. до н. э., свидетельствуют о том, что эти амфоры изготовлялись главным образом в мелких мастерских с количеством работников от двух до четырех, среди которых не было ни одного отпущенника²⁴.

К сожалению, в других, кроме гончарного, отраслях ремесла проследить соотношение рабов и отпущенников в отдельной мелкой мастерской практически невозможно.

Однако общее соотношение отпущенников, рабов и свободных и в других отраслях ремесла в какой-то мере можно представить себе по эпитафиям отдельных ремесленников, собранным в CIL (т. I, ч. 2). Правда, устанавливаемое таким путем соотношение может лишь очень приблизительно отражать действительное положение в ремесле. Во-первых, хотя представленные здесь надписи охватывают период от ранней Респуб-

¹⁶ О х ё, ук. соч., стр. 36.

¹⁷ CIL, IV, 1507; G u m m e r u s, RE, IV, стб. 1491.

¹⁸ L. P o m p o n i u s V o n o n i e n s i s, Pistor, III, O. R i b b e c k, Scaenicae Romanorum poesis fragmenta, Lipsiae, 1855, стр. 206.

¹⁹ Н. Б о р е ц к и й, Из хозяйственной истории Помпей I в. н. э., ВДИ, 1956, № 3, стр. 210 сл.

²⁰ P a r k, ук. соч., стр. 82—86.

²¹ Там же, стр. 83.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 84.

²⁴ CIL, I, p. 2, стр. 613.

лики до смерти Цезаря, большинство их, судя по лингвистическим особенностям, относится к I в. до н. э.²⁵

Во-вторых, текст многих эпитафий настолько обширен, вырезан таким шрифтом и на таких дорогих надгробиях, что они явно могут принадлежать только состоятельным собственникам, к которым рядовых ремесленников вряд ли можно отнести. Согласно Публилию Сиру²⁶ и Горацію²⁷, бедняков и рабов обычно хоронили без надгробий, а похоронные коллегии, которые были так популярны в ранней Империи, в конце Республики только начали появляться²⁸. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемый период все эпитафии отдельных ремесленников сделаны или ими самими, или их родственниками; очень редки надгробия, сделанные ремесленными коллегиями их членам; наконец, очень редки короткие эпитафии из двух-трех слов²⁹. Все это позволяет предположить, что значительная часть ремесленников, упоминаемых в эпитафиях, особенно если это были рабы, была людьми состоятельными и скорее представляла собой ремесленную аристократию (владельцев мастерских, инстингоров, подрядчиков, глав декурий), чем рядовых работников. Выше уже отмечалось, что в качестве основного аргумента в пользу преобладания труда отпущенников в ремесле многие исследователи за рубежом чаще всего выдвигают эпиграфические данные последнего века Республики и первых двух веков Империи. Однако, если рассмотреть надписи только поздне-республиканского периода, то предстает совершенно иная картина.

На основе надписей, собранных в первом томе CIL, все материалы которого относятся к республиканскому периоду, мы попытались составить приведенную здесь таблицу. Были выписаны по возможности все надписи, упоминавшие отдельных ремесленников, и в каждой из них отмечена социальная принадлежность ремесленника. В таблицу не включены ремесленники — министры коллегий и те, чьи специальности не указаны в надписях. Поэтому мы, с одной стороны, исключаем известную часть наиболее состоятельных ремесленников, а с другой — почти не охватываем неквалифицированных ремесленников. Понятно так же, что многочисленные рабы, упоминаемые в надписях I тома CIL³⁰ без указания специальности, среди которых могли быть и ремесленники, не включены в таблицу. Наконец, необходимо отметить, что большинство используемых нами надписей относится к I в. до н. э., так как их текст не имеет особенностей языка предшествующего времени. Нами были использованы надписи главным образом из второй части I тома CIL, немногие надписи из первой части помечены в таблице как I¹.

²⁵ В надписях конца II в. до н. э. довольно часто встречаются, например, характерные архаизмы: наличие древних дифтонгов *ou, oi, ei* (см. H. Schuchardt, *Der Vocalismus des Vulgärlateins*, Bd. II, Lpz, 1867), появление *n* перед *l* (*conlegium*) (см. E. H. Warmington, *Remains of Old Latin*, IV, *Archaic inscriptions*, L., 1940, стр. XV—XXIV).

²⁶ *P u b l i l i u s*, *Sententiae*, 103; *R i b b e s k*, ук. соч., стр. 267: «У кого нигде нет дома, тот умирает без надгробия» (*cui nusquam domus est, sine sepulcro est mortuus*).

²⁷ *H o r.*, *Sat.* I, 8, 8—9: «Прежде здесь трупы рабов погребались, которые раб же в бедном гробу привозил за наемную скудную плату». Речь идет здесь об общей погребальной яме на Эсквилинском холме. Согласно Даффу (ук. соч., стр. 109), даже в эпоху ранней Империи рабам ставили надгробия в исключительных случаях.

²⁸ *T. H. Mommsen*, *De collegiis et sodaliciis Romanorum*, *Kiliae*, 1863, стр. 9; *W. Liebenam*, *Zur Geschichte und Organisation des Römischen Vereinswesens*, Lpz, 1890, стр. 4; *J. Schiess*, *Die römischen collegia funeraticia nach den Inschriften*, 1888, стр. 32; *E. M. Штаерман*, *Рабские фамилии и коллегии*, ВДИ, 1950, № 3, стр. 77, 79.

²⁹ CIL, I, p. 2, 1840, 1703, 1207, 1369, 1411, 1268.

³⁰ CIL, I, p. 2, 1337, 1617, 2437 (в этих надписях упоминается по нескольку рабов), 412, 413, 416, 466, 518, 681, 776, 777, 830, 908, 940, 943, 949, 972, 999, 1235, 1241, 1499, 1593, 1818, 2216, 2226, 2270, 2271, 2330, 2331, 2341, 2374, 2404, 2427.

Профессия	Рабы	Вольно-отпущенники	Свободнороденные	№ надписи
Серебряных дел мастера (argentarii)	1	1	1	2523 1392 1087(1 ¹)
Жемчужник (margaritarius)		1		1212
Золотых дел мастер (aurifex)	1			1840
Изготовитель флейт (fistularius)	1			1244
Изготовитель венков, венцов (coronarius)		1 1		1193(1 ¹) 1566
Мастер-ремесленник (faber)			1 1 1 1	1824 1443 1912 1911
Шерстобиты (fullones)	1	1		1342 1539
Красильщик (purpurarius)		1		1413
Изготовитель статуэток (sigillator)	1			2375
Штукатур (tector)		1	1	1734 2253
Изготовитель платья (vestiarius)		1		1268
Изготовитель мечей (gladiarius)	1			1605
Продавцы благовоний (unguentarii)	1	1	1	1065 1210 ¹ 1268
Изготовитель канделябров (candelabragius)	1 1			412 413
Изготовитель ваз из бронзы, золота, серебра (vascularius)	1			1209
Гончары — изготовители амфор	1 1			2339 2342
долив	1			2351
жертвенных чаш	1 1			2489 2484

(Продолжение)

Профессия	Рабы	Вольно-отпущенники	Свободнорожденные	№ надписи
горшков	1			2385
светильников	1			2366
маленьких бокалов	1			2359
ваз	1			2362
	1			488
	1			2360
	1			2353
	1			2363

Приведенная таблица показывает, что среди квалифицированных ремесленников, непосредственно занятых в производстве, чаще всего встречаются рабы — 23, почти вчетверо реже упоминаются свободнорожденные — 7 и почти втрое реже вольноотпущенники — 9. Эти данные явно не соответствуют утверждениям о преобладании вольноотпущенников в мелком ремесле поздней Республики.

Таким образом, даже если учесть все неточности приведенной таблицы, нельзя не видеть, что отпущенники ни только не преобладали в ремесле поздней Республики, но составляли явное меньшинство (примерно $\frac{1}{3}$ всех работников). И это в то время, когда ежегодно отпускали на волю в среднем около 16 тыс. рабов.

Преобладание отпущенников в ремесле нередко аргументируется еще и тем, что они чаще всего встречаются в качестве магистров и министров ремесленных коллегий³¹. Но в истории коллегий республиканского периода обращает на себя внимание прежде всего то, что из известных нам коллегий этого времени подавляющее большинство относится ко II или самому началу I в. до н. э.

Так, из 20 надписей ремесленных коллегий, опубликованных Деграсси, только шесть не имеют в языке архаизмов, характерных для II в. до н. э.³² Причем, среди этих шести собственно ремесленными являются лишь коллегии мастеров (fabres — № 105), монетариев (№ 106) и фуллонов (№ 240). Остальные коллегии — поваров (№ 104), солеваров (№ 41), перевозчиков (№ 199).

Подобная картина наблюдается и в надписях, собранных Моммзенем; подавляющее большинство их относится ко II в. до н. э.³³

Тот факт, что в надписях I в. до н. э. очень редки упоминания ремесленных коллегий, едва ли можно связывать только с общей скудостью эпиграфического материала этого периода. Идя таким путем, мы не могли бы объяснить, почему от II в. до н. э. таких надписей дошло до нас больше, чем от I в. до н. э. Видимо, в I в. до н. э. ряд ремесленных коллегий действительно либо прекратил свое существование, либо число их членов заметно сократилось. Интересно, что в надписях Ранней империи ремесленные коллегии упоминаются десятки раз в самых различных городах Италии, причем возникновение многих из них, возможно, относится к эпохе Августа. В качестве примера можно привести историю коллегии плотников.

Согласно Плутарху (Numa, 17), традиция приписывает основание этой коллегии легендарному царю Нуме, т. е. считает ее одной из самых древних ремесленных коллегий. В источниках I в. до н. э. упоминание об этой коллегии не встречается, в то время как в период ранней Империи только в Остии³⁴ и Риме³⁵ она называется несколько

³¹ L o a n e, ук. соч., стр. 64, 73, 76, сл.; T. F r a n k, Rome and Italy of the Republic, I, Baltimore, 1933, стр. 379; W e s t e r m a n n, The Slave Systems, стр. 73; J. P. W a l t z i n g, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les romains, I, Louvain, 1895, стр. 87; G u m m e r u s, ук. соч., стр. 1501.

³² A. D e g r a s s i, Inscriptiones latinae liberae rei publicae, Firenze, 1957, № 199, 41, 240, 106a, 104, 105.

³³ CIL, I, p. 2, 1454, 1455, 1451, 1446, 977, 978, 989, 1224, 1225, 1307, 1005.

³⁴ CIL, XIV, 314; 347; 407; 418; 299; 330; 430.

³⁵ CIL, VI, 9034; 9405—9408; 10299; 33856—33858.

раз. При этом одна из надписей Рима (10299) позволяет установить дату официального основания этой коллегии — 8 г. до н. э.³⁶

Затухание деятельности ремесленных коллегий в I в. до н. э. тем более примечательно, что в многочисленных сенатских законах и постановлениях, направленных против самых различных объединений городского плебса³⁷, постоянно делали исключение для ремесленных коллегий³⁸, хотя последние не стояли в стороне от политической жизни³⁹. При этом во всех указанных выше постановлениях и законах всегда подчеркивалось, что существование коллегий ремесленников требуется для пользы государства.

Почему же в I в. до н. э., в период расцвета рабовладельческого хозяйства и, в частности ремесла, ремесленные коллегии, находившиеся в явно привилегированном по сравнению с другими объединениями положении, переживают своеобразный кризис?

Не связано ли это с тем, что труд свободнорожденных ремесленников в I в. активно вытеснялся рабским трудом, а ремесленники-отпущенники не представляли еще такой силы, которая бы могла восполнить разорвавшихся свободнорожденных ремесленников? Возможно, ремесленные коллегии потеряли свое значение еще и потому, что свободных и отпущенников в этот бурный период гораздо больше привлекали различные политические объединения.

Приведенные источники не позволяют установить, какую часть общей массы ремесленников составляли отпущенники и какую часть в общем числе манумиссий составлял отпуск на волю отпущенников-ремесленников. Но все же приведенные материалы не позволяют согласиться с теми исследователями, которые считают, что в I в. до н. э. ремесло было в основном в руках отпущенников и что основная масса рабов, получавших свободу, пополняла ряды ремесленников. Роль отпущенников в ремесле I в. до н. э., по-видимому, была еще невелика. Но тогда возникает вопрос, почему в том множестве манумиссий, какое известно для I в. до н. э., на долю рабов-ремесленников приходилось явное меньшинство. Объяснение этому в какой-то мере можно найти в характере манумиссий и социальном составе патронов в рассматриваемый период.

Согласно Дионисию Галикарнасскому (IV, 24, 4—6), на рубеже Республики и Империи отпуск рабов на волю за примерную службу почти не практиковался. Зато рабы массами получали свободу либо по завещанию, либо накануне хлебных или иных раздач. Подтверждение этому свидетельству можно найти и в других источниках (Gai., I, 43—46; II, 239).

Чем же объяснить распространение именно такого рода манумиссий на рубеже Республики и Империи?

Дионисий полагает, что большая часть манумиссий по завещанию была продиктована главным образом тщеславием крупных рабовладельцев. «Другие обязаны были своей свободой легкомыслию своих хозяев и их тщеславной жажде популярности. Я во всяком случае знаю иных, — пишет Дионисий, — которые завещали после их смерти предоставить свободу всем их рабам, чтобы прослыть добрыми людьми и чтобы за их гробом шла толпа отпущенников в своих колпаках» (IV, 24, 5—6).

Но тщеславие крупных рабовладельцев было, разумеется, не единственной причиной массового распространения манумиссий по завещанию. Вполне возможно, что здесь действовали соображения и экономического порядка и просто добрые намерения отдельных владельцев. Во всяком случае, иначе невозможно объяснить смысл некоторых статей закона Фуфия Каниния 8 г. до н. э., в котором делалась попытка урегулировать

³⁶ Ю. К у л а к о в с к и й, Коллегии в древнем Риме, Киев, 1882, стр. 89.

³⁷ A. W. Z u m p f t, Das Kriminalrecht der Römischen Republik, Bd. II, B., 1869, стр. 367—384; M o m m s e n, ук. соч., стр. 33—43; L i e b e n a m, ук. соч., стр. 14—29.

³⁸ A s s o n., In Cornel, p. 75; S u e t., Iul. 42; Aug., 32.

³⁹ C i c., Pro Flacco, 7, 17, 8, 18: Opifices et tabernarios atque illam omnem faecem civitatum, quid est negotii concitare, in eum praesertim, qui nuper summo cum imperio fuerit, summo autem in amore esse, propter nomen ipsum imperii non potuerit?

ровать манумиссии по завещанию. Закон этот устанавливал границы манумиссий по завещанию для рабовладельцев всех разрядов: от самых мелких, владевших двумя рабами, до самых крупных, имевших около 500 рабов⁴⁰. Следовательно, закон касался не только тщеславных богачей, но и значительно (более мелких собственников, чьи три или четыре раба, отпущенные на волю, [мало что могли прибавить к их репутации или славе.

Какие же причины могли заставить небогатых владельцев предоставлять рабам свободу по завещанию? Если завещатель перечислял будущих отпущенников поименно и не скрывал своего намерения, он мог рассчитывать на честность и добросовестность своих рабов. Возможно, в таких завещаниях, подобно известному завещанию Дасумия, было даже указано: «Да будет свободен, если будет приносить пользу». В конце Республики, когда интенсивно шел процесс разорения мелких собственников, когда сильно возросло число неоплатных должников, одним из самых распространенных мотивов манумиссий было желание нанести вред кредиту. Не случайно основной смысл предложенного в 4 г. н. э. закона Элия Сенция (Gai., I, 36; 37; 47; Inst. I, 6) сводился к тому, чтобы запретить манумиссии, совершаемые для обмана кредиторов или патрона. Согласно Институциям Гая и Юстиниана, «тот, кто отпускает раба на волю для обмана кредиторов, ничего не достигает, так как закон Элия Сенция делает недействительной свободу»⁴¹. И далее в Институциях Юстиниана (I, 6, 3) разъясняется, что для обмана кредиторов обычно отпускали рабов на волю несостоятельные должники, которые надеялись таким образом освободиться от уплаты долгов. Но задолженность на рубеже Республики и Империи приняла такие размеры, и манумиссии несостоятельных должников имели, видимо, столь массовый характер, что после известной борьбы мнений законодатель вынужден был сделать следующую чрезвычайно любопытную отступку: во-первых, несостоятельному должнику разрешалось делать наследником освобожденного раба, чтобы память умершего не оскорблялась (пес in iuria defunctus afficiatur — Inst. I, 6), во-вторых, несостоятельный должник только в том случае лишался права манумиссий, если обладал недостаточным для удовлетворения кредиторов имуществом и имел намерение обмануть их (Inst. I, 6, 3). Следовательно, если несостоятельному должнику удавалось доказать, что он не намеревался обманывать кредиторов, с него снималась всякая ответственность за отпуск рабов на волю. Вот почему, согласно Институциям Гая, и после этого закона, «тот, чья состоятельность подозрительна, обыкновенно делает раба свободным в первой, второй или даже дальнейшей степени и назначает его наследником, чтобы в случае неудовлетворения кредиторов шло бы на продажу лучше имущество наследника, нежели его, завещателя, т. е. чтобы бесчестье, которое влекла за собой продажа наследства, постигло бы лучше наследника, чем завещателя» (Gai., II, 154).

Все возможные мотивы манумиссий, разумеется, учесть трудно, но те из них, которые нашли отражение в законах, специальных сенатских постановлениях или просто неоднократно упоминаются в источниках, несомненно были наиболее типичны.

В этой связи обращают на себя внимание также манумиссии, связанные с государственными раздачами. Согласно Диону Кассию (XXIX, 24, 1), собственники рабов давали им свободу только для того, чтобы вольноотпущенники могли принять участие в получении распределяемого зерна. А Дионисий Галикарнасский (IV, 24, 5) добавляет: «Некоторые отпускаются на свободу для того, чтобы, получая ежемесячные раздачи зерна, даваемые государством, или другое, что предоставляют власти бедным гражданам, они могли принести это тем, кто даровал им свободу».

Трудно предположить, чтобы владелец самой маленькой мастерской или лавки, имевший постоянный источник доходов, отпускал на волю раба для того, чтобы тот поделился с патроном своим хлебным пайком. Ведь весь этот паек (5 модиев зерна) при хоро-

⁴⁰ G a i., I, 43. Закон позволял владельцам от 2—10 рабов отпускать на волю половину этого числа, 10—30 — одну треть, 10—100 — четвертую часть, от 100—500 пятую часть.

⁴¹ G a i., I, 37; Inst. I, 6, 1: ... is, qui in fraudem creditorum manumittit, nihil agit, quia lex Aelia Sentia impedit libertatem.

шей оплате поденщик мог заработать в течение пяти дней ⁴². Кроме того, нельзя не учитывать и следующего обстоятельства. Неквалифицированный работник в Риме, как уже отмечалось, стоил в среднем 2 тыс. сестерциев. Ремесленник стоил, по-видимому, в четыре-пять раз дороже, т. е. приблизительно 8—10 тыс. сестерциев. Накануне хлебных раздач свободу предоставляли, видимо, законным путем, так как отпущенников следовало внести в списки граждан для получения хлеба и, значит, заплатить пятипроцентный налог, т. е. в данном случае 400—500 сестерциев. Но ведь это намного превышает стоимость хлебных пайков, получаемых отпущенником в течение года. Ведь если хозяин не был в состоянии прокормить раба, то как мог он выплатить за него такую сумму денег и зачем. Не проще ли было отдать такого ремесленника в наем и иметь от него гораздо больший и постоянный доход. Скорее всего, патронами таких отпущенников были люди, либо не имевшие надежных источников доходов, либо находившиеся на грани разорения, и отпущенники их, разумеется, с самого начала были обречены на нищенское существование и случайные заработки.

Таким образом, мотивы манумиссии во многом определяли положение различных групп отпущенников в римском плебсе. Те, кто выкупал свою свободу или зарабатывал ее примерным трудом, естественно, должен был пополнить в первую очередь трудовые слои свободных. Но в каком положении оказывались отпущенники, получившие свободу по завещанию разоренного и задолжавшего владельца, какая участь могла постигнуть сотни тех *огіпі*, за которых наследник не в состоянии был заплатить пятипроцентного налога, наконец, на что были обречены отпущенники, которые должны были платить за свою свободу хлебными пайками?

Очевидно, основная масса рабов, получивших свободу таким образом, оказывалась без надежных средств к существованию и в известном смысле представляла определенную опасность для государства.

Несмотря на то, что во второй половине I в. до н. э. Рим был переполнен отпущенниками, сам факт отпуска рабов на волю не вызывал протестов у римлян. Государственных деятелей Рима беспокоило главным образом то, что в конце Республики манумиссии стали осуществлять без всякого разбора, не заботясь о личности и дальнейшей судьбе бывшего раба. В результате среди отпущенников явно увеличился слой людей без определенных занятий, составивших опасный резерв для самых различных противников государственного строя. Об этом лучше всего говорит Дионисий (IV, 24,7). Полемизируя с тем, кто предлагает запретить манумиссии, он подчеркивает, что этого делать нельзя и не нужно. Гораздо важнее урегулировать институт отпущенников таким образом, чтобы в их число попадали только достойные, а для этого магистратам следует предварительно знакомиться со способом и причинами освобождения. Что же касается тех недостойных, которые уже получили свободу, то их следовало под благовидным предлогом удалить в колонии. Кстати сказать, эта идея не представляла собой что-то совершенно новое и оригинальное. Не случайно среди 80 тыс. маломощных, высланных Цезарем из Рима, основную часть составляли отпущенники (Suet., Jul. 42; Strabo, VIII, 6, 23)!

Если рассмотреть мероприятия Августа в отношении отпущенников, то станет ясно, что они тоже были направлены не на уничтожение института отпущенничества и даже не на ограничение его вообще, а на сокращение числа наиболее опасных отпущенников, с самого начала обреченных на нищенское существование и разбой. Во всяком случае иначе невозможно объяснить появление законов Элия Сенция и Фуфия Каниния, в частности, таких статей, которые устанавливали особую категорию отпущенников *dediticii* ⁴³, отпуск раба во вред кредитору, отпуск на волю господами, не достигшими 20 лет (Gai., I, 38—41; Inst. I, 6, 4—7). Достаточно красноречивы и меро-

⁴² Согласно Цицерону, средняя дневная плата поденного работника равнялась 12 ассам (Cic., Pro Rosc. Com. 28) и столько же стоил модий пшеницы, покупаемый в провинциях для государственных раздач.

⁴³ Ulp., I, 11; D., L, 16; Suet., Aug. 40; Gai., I, 13: *dediticii* должны были находиться на расстоянии не менее 100 миль от Рима.

приятия Августа, направленные на сокращение манумиссий накануне государственных раздач. Согласно Светонию (Aug. 42), «он проявил известную строгость, узнав, что в ожидании подарка в число граждан провели множество нарочито отпущенных рабов, заявив, что те, кому ничего не было обещано, ничего и не получают, а прочим дал меньше обещанного».

В рассматриваемый период существовал еще один очень важный источник манумиссий — гражданские войны. Известно, что участие рабов в социальной борьбе конца Республики было широким. Но для рабов, сражались ли они в римской армии, или в рядах различных партий или группировок в период гражданской войны, непременно условием их участия в любой битве, начиная с движения Сатурнина и кончая последней гражданской войной, была свобода.

Число рабов, отпущенных на волю во время гражданских войн, видимо, было довольно значительным. Достаточно вспомнить, что в Союзнической войне полководцы италиков присоединяли к своему войску всех рабов завоеванных ими городов (App., BC, I, 42). Немало было отпущено на волю рабов во время борьбы марпанцев и сулланцев. Правда, рабы, перешедшие на сторону Марии и Цинны, были впоследствии почти все перебиты ими, так как вопреки запретам Цинны начали расправляться со своими бывшими господами (там же, 74).

Но зато 10 тыс. рабов, принадлежавших проскрибированным и освобожденным Суллой, не только остались жить, но получили право голоса в народном собрании (там же, 100).

Во время движения Катилины заговорщики обещали свободу присоединившимся к ним рабам, а сепат — тем из них, кто обнаруживал и доносил на заговорщиков⁴⁴.

Дальнейший период социальной борьбы также был ознаменован участием в нем рабов и освобождением их. Это относится прежде всего к движению Клодия (Cic., p. Planc. 35). Во время гражданских войн гладиаторов, сельских и городских рабов можно было встретить и в лагере Цезаря, и в лагере Помпея (Caes., BC, I, 14, 56; III, 21). Позднее Антоний пытался опереться даже на рабов, заключенных в тюрьмах (там же, I, 19; Dio Cass., XLIII, 39, 2). Вольноотпущенники составляли значительную часть армии Секста Помпея (Vell. II, 73; I, 2; Flor., IV, 8, 4). И даже Октавиан в 37 г. по его примеру отпустил на волю 20 тыс. рабов (Suet., Aug. 16, 1; Dio Cass., XLIII, 4, 2), а в следующем году еще одну партию рабов, перебежавших от Помпея в сражении при Милах (Dio Cass., XLVIII, 1, 5).

Итак, можно предположить, что в ходе борьбы было отпущено на волю достаточно большое число рабов. Правда, следует учесть, что очень скоро многие погибли в тех же войнах или были казнены⁴⁵. Но все же значительная часть их пополнила ряды вольноотпущенников. Каково же было экономическое положение этой группы отпущенников? В источниках очень мало сведений о том, что получали рабы вместе со свободой в ходе социальных битв. Нам почти ничего не известно даже о положении рядовых корнелиев. Можно лишь предположить, что им, возможно, были дарованы какие-то экономические привилегии. Об этом косвенно могут свидетельствовать надписи (CIL, I, 585), посвященная вольноотпущенниками Сулле, и упоминаемые Цицероном коллегии корнелиев (Cic., p. Corn. 16). Но положение этой категории отпущенников, ставшей опорой диктаторской власти, не было типичным. Что касается рабов, получивших свободу в результате движений Катилины, Клодия и гражданских войн, то их экономическое положение охарактеризовать еще труднее. Можно предположить, что рабы могли приобрести какое-то имущество грабежами. Но это далеко не всегда поощрялось теми, на чьей стороне сражались бывшие рабы.

Помимо свободы, рабам, возможно, иногда обещали и определенное материальное вознаграждение. Так, Саллюстий (Cat. 30, 6—7) сообщает, что за указание на заговор, направленный против Республики, устанавливалась награда: рабу — свобода и 100 тыс. сестерциев, свободному — безнаказанность и 200 тыс. сестерциев. Приведен-

⁴⁴ S a l l., Cat. 44, 6, 56, 27; 1, 30; C i c., Phil. II, 7; D i o C a s s., XLVI, 20, 1; S a l l., Cat. 30, 6—7.

⁴⁵ Вспомним об участии рабов, сражавшихся в войске Секста Помпея.

ные цифры вознаграждения настолько велики, что, видимо, были явно рассчитаны на единичные случаи предательства. Что же касается руководителей самих заговоров и движений, то хотя они, возможно, и давали рабам определенные обещания⁴⁶, но последние естественно остались не выполненными, поскольку ни заговор Катилины, ни движения Сатурнина или Клодия не увенчались успехом. Более того, вольноотпущенники, получившие свободу в ходе этих движений, считались освобожденными незаконно и преследовались как беглые рабы (App., BC, V, 131). Что же касается гражданских войн, то как раз те, кто выходил из них победителем, очень редко привлекали рабов, и чаще всего обе стороны при первом удобном случае всегда старались от них избавиться. Пожалуй, только Секст Помпей пытался как-то реально обеспечить своих вольноотпущенников. Но известно, что позднее они были перебиты по приказу Августа.

Все это заставляет предположить, что рабы, освобожденные в ходе социальных движений и гражданских войн I в., в большинстве своем, видимо, ничего не получали, кроме свободы. Более того, покинув своего хозяина и спасаясь от его преследований, они с трудом могли найти работу и кров, и большая часть их вынуждена была влачить нищенское существование.

Итак, анализ манумиссий, наиболее типичных для позднереспубликанского периода (манумиссии по завещанию, в результате социальных движений, накануне хлебных раздач), не позволяет согласиться с теми авторами, которые полагают, что основную массу отпущенников рассматриваемого времени составляли ремесленники.

Но как ни велико было в Риме число отпущенников, не имевших надежных средств к существованию, количество люмпен-пролетариев среди них не следует преувеличивать. И дело не только в том, что определенная часть отпущенников была занята в ремесле, но еще и в том, что далеко не все, кто пользовался частными и государственными раздачами, вели паразитическое существование⁴⁷. Ведь рабовладельческое государство давало бедным гражданам не так уж много. Для того, чтобы расплатиться за пять модиев зерна в месяц, изношенные одежды патрона и доходы от продажи голосов, достаточно было проработать какое-то время по найму и тем самым уже не жить за счет общества⁴⁸.

Следует учесть также, что раздачи в лучшем случае могли прокормить и плохо одеть семью, но их не могло хватить для оплаты самого бедного жилья⁴⁹, поэтому какая-то часть этих людей была занята на временных или постоянных работах⁵⁰. Кроме того, многие, отпущенники непременно должны были трудиться прежде всего в силу своего юридического положения, поскольку главным условием их манумиссии были *oregae* (Dig., XXXVIII, 1). Это не значит, разумеется, что все рабы, отпущенные на условиях *oregae*, обязательно были заняты в ремесле. Пожалуй, точнее всего понятие *oregae* передается словом «услуги»⁵¹. Услуги эти могли быть самыми раз-

⁴⁶ Так, согласно Цицерону, Клодий намеревался всех рабов сделать своими отпущенниками (*Pro Mil.* 33: *servos nostros libertos suos fecisset*). Возможно, этим же отпущенникам было обещано имущество побежденных.

⁴⁷ Ведь Маркс, как известно, называл люмпен-пролетариями тех, кто жил на счет общества, т. е. брал от общества больше, чем давал ему. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные произведения*, т. I, стр. 209—210.

⁴⁸ Для получения урожая с югера земли, засеянного 4—5 модиями пшеницы, требовалось по подсчетам Колумеллы 10,5 дня одного работника (*Col.*, II, 12, 1). Средним считался урожай сам-десять, т. е. с югера получали 40—50 модиев (*Vagr.*, I, 1, 43; *Col.*, II, 9, 1). Следовательно, средняя производительность могла составлять около пяти модиев пшеницы в день.

⁴⁹ Согласно Диону Кассию (XLVIII, 9, 5), средняя квартирная плата в Риме в 41 г. до н. э. доходила до 500 драхм, т. е. превышала 2 тыс. сест. Правда, квартирная плата могла быть заменена какой-либо услугой. См. Z. Yavetz, *The Living Conditions of the Urban Plebs in Republican Rome*, «Latomus», XVII, 1958, стр. 517.

⁵⁰ См. Suet., Aug. 40: чтобы не отвлекать народ от его занятий ради хлебных раздач, Август назначил выдачу марок на получение хлеба три раза в год.

⁵¹ И. С. Петерский, *Дигесты Юстиниана*, М., 1956, стр. 120.

личными⁵². Для юристов I в. до н. э. манумиссии на условиях *oregae* были явлением хорошо известным. Это подтверждается, в частности, комментарием Помпония к следующему фрагменту из сочинения Кв. Муция Сцеволы, юриста I в. до н. э.: «Известно, что иногда трудовые обязательства могут и сокращаться, и увеличиваться, и изменяться» (*Dig.*, XXXVIII, 1, 34). Но, как уже отмечалось, основным мотивом массовых манумиссий в этот период были не *oregae*. Об этом свидетельствует, помимо приведенных выше материалов, и законодательство, призванное умерить произвол патронов. Впервые такой законопроект был предложен претором Рутилием. «Ибо, как пишет Сервий, прежде было обычным требовать с отпущенников тяжелейших дел для возмещения столь большого благодеяния, которое совершалось по отношению к отпущенникам, когда их из рабства переводили в римское гражданство. И именно претор Рутилий первый объявил, что он не даст патрону больше, чем право услуг и товарищества» (*Dig.*, XXXVIII, 2, 1—2).

Приведенные статьи не позволяют установить, в чем конкретно проявлялись чрезмерные требования патронов по отношению к своим отпущенникам. Но одно очевидно: законодателя беспокоят злоупотребления не в отношении *oregae* и *societates*, а какие-то иные наиболее распространенные требования, которые чрезмерно «обременяли и отягощали лиц, отпущенных на волю». (*Dig.*, XXXVIII, 1, 1). Очевидно, ограничения Рутилия касались прежде всего имущественных прав патронов. Не случайно эдикт Рутилия упоминается в титуле «Об имуществе вольноотпущенников» (*Dig.*, XXXVIII, 2). Скорее всего, законодателю пришлось защищать такое имущество, без которого бывший раб уже не мог существовать.

Итак, определенное и даже немалое число отпущенников, без сомнения, было занято на постоянных или временных работах, но это еще не значит, что основная масса манумиссий в I в. до н. э. совершалась за счет рабов-ремесленников. Экономические и политические условия I в. до н. э. были таковы, что патронами отпущенников нередко оказывались люди, запутавшиеся в долгах и готовые отобрать у своего бывшего раба последний хлебный паек. Естественно, что в доме такого патрона услуги отпущенников были практически не нужны, поэтому он либо освобождал раба на иных условиях (за определенный выкуп, за хлебные пайки, чтобы обмануть кредиторов, и т. д.), либо требовал, очевидно, содержать его, и тогда отпущенник должен был изыскивать любые средства (случайные заработки, подаячки, продажа голосов на выборах), чтобы прокормить себя и своего патрона. Вследствие конкуренции рабского и свободного труда такому отпущеннику, очевидно, труднее было наняться на работу в ремесленную мастерскую. Преобладание отпущенников в ремесле характерно для более позднего периода, когда определенным образом изменилась экономическая и политическая обстановка; в I в. до н. э. оно явно не наблюдается.

Р. Е. Ляст

⁵² Это и работы по дому в качестве домашней прислуги (*Dig.*, XXXVIII, 1, 7, 5—6), в мастерской (см. выше), на строительстве (*Cic.*, *Att.* XIV, 3, 1), в порту (*Hor.*, *Sat.* I, V, 10—15; 1, 1, 46), театре (*Dig.*, XXXVIII, 1, 7—6), в области интеллигентного труда — врачевание (*Dig.*, XXXVIII, 1, 27), финансовая (*Dig.*, XXXVIII, 1, 7, 6; *Cic.*, *Att.* I 12, 2), библиотечная (*Cic.*, *Att.* VII, 2, 8; IV, 15, 1; *Dig.*, XXXVIII, 1, 7, 6), литературная деятельность (*Cic.*, *Att.* XIII, 16, 4, 2; 9, 1; 25, 3; *Cic.*, *Fam.* XVI, 17) и т. д.

MANUMISSIONS OF SLAVE CRAFTSMEN IN THE FIRST CENTURY B. C.

by R. Ye. Lyast

The mass manumissions of the late Republican period are sometimes explained by analogy with the widespread emancipation of slave craftsmen in the early Empire. However, analysis of epigraphical and literary sources for the first century B. C. shows that freedmen constituted by no means the majority of the craftsmen employed either in the medium-sized workshops, which were typical for this period, or in the small workshops. Moreover quite a few literary and juridical documents attest the fact that in this period slaves obtained their freedom in large numbers either by testamentary disposition, or just before free distributions of grain or some other product were to take place, or as the result of civil war (Suet., *Aug.* 42; Dion. Hal., IV, 24, 5, 6; Gai. I, 43—46; *Inst.*, I, 6, 3, 4—7).

Analysis of the motives for this sort of manumission reveals that the former owners were often not in a position to provide their freedmen with steady means of subsistence, so that the freedmen were from the start doomed to beggary and chance earnings. That a large proportion of the freedmen at the end of the Republic and beginning of the Empire had no definite occupations is attested by measures undertaken by Caesar and Augustus both of whom made frequent attempts to reduce the number of indigent freedmen.

The economic and political conditions of the first century B. C. were not such as to give rise to a predominance of craftsmen slaves among those manumitted.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ ЧЕРЕЗ РЕЙН

В I в. до нашей эры римляне переходили через малые реки, если на них не было брода, по деревянным мостам. На протоках они строили однопролеточные балочные мосты, а на небольших реках—свайные. Так как сваи у народов центральной части Европы были известны еще в «доисторическое» время, то римляне пользовались ими уже со времен основания города Рима. Первый свайный мост через небольшую реку Тибр в Риме (pons sublicius) построил, по преданию, Анк Марций в VII в. до н. э. (*Liv.*, I, 33).

При разливах Тибра этот мост, видимо, часто разрушался (*Tac.*, *Hist.* I, 86; ср. *Lucr.*, I, 285—287). Неудачность этого моста заставляла римлян искать для таких сооружений другие конструктивные решения. В 179 г. до н. э. были, очевидно, впервые на Тибре построены каменные устои для нового моста (pons Aemilius). По этим устоям была проложена деревянная проезжая часть. В 142 г. до н. э. этот мост был перестроен и получил каменные арки (*Liv.*, XL, 51). А первый каменный мост через Тибр был построен в Риме в 120 г. до н. э. (pons Milvius)¹.

Но переход через широкие и глубокие реки и проливы в начале I тыс. до н. э. вызывал большие трудности. Переправы совершались на судах или на пароме, так как еще не умели строить больших мостов. Когда к концу V в. до н. э. греки хотели соединить остров Евбею с материком, то они отсыпали между островом и материком дамбу, в которой оставили проход для одного судна и перекрыли этот проход деревянным мостом (*Diod.* XIII, 47).

Вопрос о переходе через широкие и глубокие реки решили персы. Кир Старший в 530 г. до н. э. соорудил судовые мосты через реку Аракс (=Окс=Аму-Дарья) и первел по ним свои войска (*Her.*, I, 204), а войска Дария в 514, 513 или 512 г. до н. э.

¹ RE, HBd. 31, Stuttg., 1933, стрб. 518.

перешли по судовым мостам, построенным по его приказу через Босфор (Her., IV, 83—88) и Истр (там же, 89; 97; 141). Этим, очевидно, было положено начало возведению судовых мостов через широкие и глубокие водные преграды². В течение нескольких веков эти мосты получили распространение по всему Средиземноморью. В 480 г. до н. э. Ксеркс перевел свои войска через Геллеспонт по двум судовым мостам, которые по его повелению были там сооружены (Aeschyl., Pers. 69—72; Her., VII, 34—36). В 401 г. до н. э. Ксенофонт перешел через Тигр с отрядом войск по судовому мосту, который он там обнаружил (Xen., Anab. II, 4, 13—24). В 331 г. до н. э. Александр приказал построить судовые мосты через Нил (Arag., Anab. III, 6, 1). А в следующем году он перешел по таким же мостам через Евфрат (там же, 7, 1—2). Ариан предполагает, что Александр перешел через Инд в 326 г. до н. э. также по построенному им судовому мосту (Anab. V, 7, 1 сл.).

Римляне, видимо, начали возводить судовые мосты в начале второй Пунической войны, когда Ганнибал вторгся в Италию. Так, в 218 г. до н. э. Сципион соорудил такие мосты через реки Тицин и Пад (App., Hannib. II, 5; Liv., XXI, 47; Polyb., III 64, 1; 66). В 190 г. до н. э. Гней «перекинул мост», очевидно судовой, через «очень глубокую и неудобопереходимую реку» Сангарий (в Малой Азии) (Polyb., XXI, 37, 4). В 66 г. до н. э. Помпей (Flor., III, 5) и в 54/53 г. до н. э. Красс (Plut., Crass. 17; 19) переходили через Евфрат по имми наведенным судовым мостам.

В этом свете большой интерес представляет сообщение Юлия Цезаря о переходе им в 55 г. до н. э. через Рейн по свайному мосту собственной конструкции. Он счел нужным в «Записках о Галльской войне» довольно подробно описать этот мост.

«...Бревна в полтора фута толщиной, несколько заостренные снизу и по длине своей соразмерные с глубиной реки, соединялись друг с другом попарно на расстоянии двух футов. Они были с помощью машин спущены в реку, укреплялись и вколачивались бабами, однако не перпендикулярно, как вбиваются обыкновенные сваи, но наискось, наподобие стропил, и с уклоном в сторону течения реки; против каждой из этих пар вбивалась на расстоянии сорока футов (около 11,8 м) по дну пара бревен, соединенная таким же образом, но уже поставленная против течения. Обе эти пары соединялись сверху поперечной балкой в два фута толщиной, соответственно расстоянию между соединенными бревнами [каждой пары] и держались в одинаковом одна от другой расстоянии посредством двух «фибул»³ на обоих концах поперечной балки. Так как, следовательно, эти пары балок были [посредством поперечных балок] разъединены и укреплены в обе противоположные стороны, то все сооружение получило естественным образом такую прочность, что чем сильнее был напор воды, тем крепче все его балки были связаны друг с другом. Поперечные сваи были устланы сверху продольными брусками, а эти последние были покрыты шестами и фашинами. Тем не менее были еще вогнаны наискось снизу по течению сваи несколько ниже самих балок и вроде таранов, чтобы в соединении со всем сооружением разбивать напор воды. Были также и другие защитные сваи выше моста на небольшом от него расстоянии с тем, чтобы стволы деревьев или суда, которые вздумают пустить варвары по течению для разрушения моста, разбивались о них и не вредили мосту» (Caes., BG, IV, 17, пер. М. М. Покровского).

В 53 г. до н. э. Цезарь снова построил такой же мост через Рейн и вторично вторгся в Германию (Caes., BG, VI, 9).

Переход Цезаря через Рейн и война с германцами на их территории нашли большой отклик в античной литературе. Из писателей, живших в эпоху Цезаря и произведения которых для нас сохранились, только Диодор Сицилийский (V, 25, 4)

² Идея судовых мостов заимствована у ассирийцев, которые уже в середине IX в. до н. э. пользовались такими мостами на небольших реках, как это видно из сохранившихся бронзовых рельефов с ворот дворца Салманасара, найденных около нынешнего города Балават. L. W. King (edit.), *Bronze Reliefs from the Gates of Salmannesar King of Assyria* B. C. 860—825, L., 1915, табл. LX—LXII и LXIV.

³ Fibula — застежка, скрепа, скоба. Что Цезарь хотел выразить этим словом, применяя его в описании конструкции моста, трудно сказать. Комментаторы и переводчики Цезаря самым различным образом объясняли и переводили это слово.